

DOI: 10.46698/VNC.2020.24.61.001

Л.А. ЧИБИРОВ,
СОИГСИ ВНЦ РАН

ЕГО ИДЕАЛОМ БЫЛ СВЕТЛЫЙ ОБРАЗ СВОБОДЫ

(О ранней духовной зрелости Васо Абаева)

Как-то на вопрос, если бы Вы не стали языковедом, кем бы стали, Василий Иванович ответил: — «Если бы я не стал лингвистом, я был бы философом» [КАЛОЕВ, 2010:127]. Профессиональным философом Василий Иванович Абаев не стал, но философский склад ума, философские познания и веяния проходят красной нитью через все его научное наследие. Высоко эрудированный, он прекрасно разбирался в религиозно-философской литературе, признавался, что иногда читает Евангелие, находя в нем глубокие мысли, что по натуре он дуалист: «во мне сидит и добро и зло. Конечно, первое преобладает над вторым» [КАЛОЕВ, 2010:127].

Именно благодаря этому качеству ученого-лингвиста библиография В.И. Абаева имеет в своем научном активе такие лингво-философские труды, как «Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке», «Общегуманитарные аспекты теоретического языкознания», «Языкознание — общественная наука» и др. В последние годы появились статьи, к примеру, Р.Д. Остаевой «Идеосемантика В.И. Абаева и основы когнитивной семантики»; К.Г. Дзугаева «Религиозно-культурологические воззрения Васо Абаева» и др., в которых труды Абаева рассматриваются и анализируются с позиции лингвиста-философа [В.И. Абаеву – 110 лет, 2001:161–204]. Наконец, философский талант В.И. Абаева ярко проявился и в его творческом почерке. Многие исследователи его научного наследия подчеркивали поэтическое своеобразие стиля его письма, называли его особенным искусством во всех его исследованиях, отмечали развитое воображение и тончайшее чувство языка, подчеркивали, что даже словарные статьи читаются как захватывающий детективный роман.

При разговорах с В.И. Абаевым на различные политические темы, часто возникал вопрос, не намерен ли он написать мемуары, свои воспоминания. Но в отличие от многих мемуаристов, он относился к этому жанру весьма ответственно и осторожно, писать все подряд он в них не собирался,

Л.А. Чибиров и В.И. Абаев. Боржоми. 1983 г.

а лишь то, что, по его мнению, могло быть важно для будущих поколений. Судя по контексту его бесед с известным советским этнографом Б.А. Калоевым, он отмечал, что «воспоминания свои тоже нужно уметь писать. У меня они пока не получаются, другим нравятся», признавался, что «туго идут, не умею писать такие вещи». На часто задаваемый ему вопрос, как продвигается работа над воспоминаниями, ответ его был традиционный: «медленно, «камац-камац» [КАЛОЕВ, 2010:127]. Судя по тем же воспоминаниям Бориса Александровича от 8 ноября 1995 г., со ссылкой на супругу Василия Ивановича К.Г. Цхурбаеву, он уже набросал книгу на «политическую тему, и вопрос стоит лишь в поиске спонсора для ее издания» [КАЛОЕВ, 2010:131].

В беседе с членом редколлегии газеты «Человек и право» Азой Цориевой, Абаев говорил: «У меня теперь целый сборник статей опубликованных в этой газете, и Аза обещает издать его отдельно». И добавил: «можно было бы издать и мои воспоминания, их два тома» [КАЛОЕВ, 2010:111]. Проанализировав информацию, озвученную Б.А. Калоевым, в том числе и свидетельство К.Г. Цхурбаевой, есть все основания полагать, что воспоминания им все же были написаны. Однако их нет в Научном Архиве СОИГСИ ВНЦ РАН, куда после смерти ученого была перевезена большая

часть библиотеки Василия Ивановича. Есть надежда на то, что воспоминания эти хранятся в той части архива, которая осталась в семье В. И. Абаева, и когда-либо к ним будет открыт доступ для специалистов.

Научная биография В.И. Абаева хорошо представлена; о его трудах написано множество объективных лестных отзывов. Существуют и публикации, которые раскрывают Василия Ивановича как человека. И вместе с тем, общественность практически не знакома с взглядами молодого Васо Абаева в пору его гимназической юности. Немного истории. Став учащимся 6-й Тифлисской классической гимназии, В.И. Абаев в течение 8 продолжительных лет с 1912 по 1920 годы жил в Тифлисе. Именно там, в тифлисский период его жизни, и формировалась личность молодого Васо, его становление, мировоззрение, политические взгляды.

В те годы, Тифлис был известным промышленным и революционным центром Закавказья. Здесь возникли различные социально-демократические кружки. Особенно крупные события произошли в Тифлисе в период между двумя буржуазно-демократическими революциями. Тифлисское общество было «заражено» революцией, что не могло оставить равнодушным молодежь, которая, как правило, требует действия. И если в годы первой революции Абаев еще был подростком, то к началу 1917 г., то есть ко времени Февральской буржуазно-демократической революции, он уже 17-летний юноша, имел собственное представление о происходящих событиях. Ему импонировали объявленные буржуазно-демократические свободы, он верил, что с их осуществлением Россия станет совсем другой страной. Словом, в февральские дни 1917 года воздух задышал для него свободой и переменами.

В начале 80-х годов прошлого столетия я был в очередной командировке в Москве. Работал тогда над завершением рукописи книги «Древнейшие пласты духовной культуры осетин», а субботы и воскресенья проводил в филиале «Ленинки» в Химках, где собирал материал для очередной, второй книги «Периодической печати...». Естественно, по приезду набрал по телефону В.И. Абаеву, и сообщил ему о том, что нахожусь в Москве. Василий Иванович сразу же пригласил меня в гости, и я прибыл к Абаевым в условленное время. Когда на его вопрос, чем сейчас занимаюсь, я ему рассказал, что в «Ленинке» ищу материалы об Осетии и осетинах, издававшихся на Кавказе и в России в дореволюционных органах печати, он остановил меня и спросил:

— А не попадалась ли тебе среди старых изданий газета «Знамя труда»?

Он сказал, что очень дорожит своей первой статьей «Берегите свободу», опубликованной им в этой газете в 1917 г., и очень сожалел, что

единственный экземпляр статьи он потерял во время переезда из Ленинграда в Москву.

Я включился в поиск газеты. Мои старания в крупнейших библиотеках Москвы и Ленинграда не дали результатов. Но удачным оказался поиск газеты в публичной библиотеке Тбилисского государственного университета им И. Джавахишвили. При этом неожиданно для себя мне удалось обнаружить в той газете сразу две статьи Абаева. Первой была опубликована в № 26 (от 5 мая 1917 г.) статья «Новое здание», а затем, в № 33, указанная статья Василия Ивановича «Берегите свободу». Фактически она была второй. Я был безмерно рад тому, что вместо одной статьи обнаружил сразу две. Обе были посвящены событиям февраля 1917 г. Скопировав, я отослал их Василию Ивановичу. Возможно, что он забыл о первой статье, а может и не очень хотел акцентировать на ней внимание. Эти настроения Абаева я почувствовал из следующего письма, полученного от него после получения им статьей, так как в ответном письме он никак не отреагировал на статью «Новое здание»:

«Дорогой Людвиг!

Ты откопал-таки статью «Берегите свободу»! Спасибо тебе. Никто кроме тебя не мог бы это сделать. Статья мне дорога. Будучи по-детски наивной, она в то же время содержит что-то пророческое...

Очень надеемся и хотим видеть тебя в Москве.

Крепко обнимаю.

Всей твоей семье-сердечный привет.

Любящий тебя В. Абаев

9 декабря 1981 г.»

Я полагаю, что для того, чтобы составить представление о мировоззрении 17-летнего Васо, о диапазоне его мышления и способности анализировать происходящие в стране бурные революционные события, стоит все же привести выдержки из первой статьи. Она небольшая. Суть содержания заметки «Новое здание» следующая: Был двухэтажный дом, на обоих этажах которого жили разные люди. Обитатели верхнего этажа проводили жизнь в забавах и развлечениях праздно и весело, не занимались трудом, всего у них было вдоволь, ни в чем не нуждались. Но в отличие от верхнего этажа страшно было заглянуть в нижний подвальный этаж, в котором царил мрак, люди работали без сна и отдыха, не разгибая спин. И работали они для обитателей верхнего этажа. На верхнем этаже жизнь текла шумно и весело, а в нижнем — одни вопли, голод и нищета.

И долго жили в этом доме угнетенные, терпели оскорбления. Но составил дом, прогнил в своем основании и готов был обрушиться. Обитатели верхнего этажа это не замечали, а жильцы нижнего этажа, почувствовав, что

9 дек. 81

Дорогой Людвиг!

Ты аркаша-закли сугубо
"Берегите свободу"! Спасибо тебе.
Никто кроме тебя не мог бы это
сделать. Сугубо мне дороги.
Будути по-детски наивной, она
в роже врама содержит зото
пророческое...

Очень надеюсь и хотим
видеть тебя в Москве.

Крепко обнимаю

Всей твоей семье - сердечный
привет.

Любящий тебя В. Абаев

опасно жить в таком доме, решили: построим себе новый дом «заживем в нем счастливо и не будем больше работать для своих господ». Старый разрушенный дом — это черная память о Романовской монархии. Жители подвального этажа разрушили дом до основания, многие погибли, но остальные взялись за строительство нового одноэтажного дома без подzemелья, на фасаде которого будет написано: «Демократическая Республика». Говоря о строительстве нового государственного здания, автор образно обращается к каменщику: «И надо быть ему очень осторожным при выборе камня, особенно для фундамента. А фундамент этот — учредительное собрание».

Как видно, юный Васо приветствует первые буржуазно-демократические свободы, провозглашенные Учредительным собранием, не скрывает своей радости по поводу того, что рухнула царствовавшая в России 300 лет монархия Романовых. Конечно же, если анализировать статью с высоты сегодняшнего дня, то мы всегда найдем к чему придраться, ибо ни П.Н. Краснов, ни А.Ф. Керенский не оправдали тех надежд, которые на них возлагала февральская революция 1917 г. Однако, давать оценку статье необходимо с учетом возраста Васо, учетом бурного периода, когда она писалась, и учетом того, какие большие надежды возлагали революционные массы на лидеров буржуазно-демократической революции.

В.И. Абаев не один приветствовал надежды на перемены, связанные с лидерами Временного Правительства. Подобных примеров в истории немало. Так, самым выдающимся революционером в начальный период Великой Французской революции 1789–1799 гг. был Мирабо, который в начале революции пользовался таким величайшим авторитетом, что французская революционная молодежь, приветствуя, пронесла его десятки километров на руках и буквально внесла в революционный Париж. После внезапной смерти Мирабо его с величайшими почестями похоронили в Национальном Пантеоне. Когда же впоследствии были выявлены и обнародованы его связи с крупной буржуазией, тело Мирабо с позором было выброшено из Пантеона. Более свежий пример. Мы все возлагали надежды на приход Горбачева к власти, но чем все это обернулось для всех нас, образно выразил Народный поэт Осетии Музафер Дзасохов:

Глушили свой голос тревожный
Под острый восторженный гам
А нынче мы бьем не в ладоши-
Себя же-по головам.

(Рæдыдыстæм, нæй йыл ныхас дæр
Нæ нæм хъардта адæмы хъæр

Цы кьухтæй æмдзæгъд кодтам раздæр
Ныр уыдонæй хойæм нæ сæр.

По политической зрелости вторая статья стоит, конечно же выше, и ее содержание полностью определяется ее же названием: «Берегите свободу». Чтобы иметь более четкое представление о взглядах молодого буржуазного демократа, ниже я решил привести статью полностью, тем более что она незначительна по объему.

«В великие и незабвенные дни революции хотелось бы видеть везде одно высокое и прекрасное. К сожалению, жизнь не всегда отвечает этому желанию. Приходится рядом с высоким и прекрасным замечать низкое и безобразное. Приходится наблюдать еще и позорные явления, как дезертирство, приходится видеть, как пьяный солдат, пользуясь «свободой», задевает офицера, оскорбляет женщин, дерется с прохожим.

Но и здесь утешение можно почерпнуть из того сознания, что во всех этих явлениях мы имеем дело лишь с незначительным меньшинством армии, которое недостаточно созрело духовно, не сумело проникнуться с величием момента, понять свободу и сохранить ту драгоценную дисциплину, без которой немислимо никакое организованное человеческое общество. В то же время мы глубоко и твердо верим, что рядом с этим меньшинством есть большинство разумное и сознательное, которое не только само не будет, но и другим не позволит грязнить безобразными выходками светлый образ свободы. К нему, к этому большинству, мы и обращаемся, его и призываем на защиту свободы. Пусть оно растолкует своим неразумным товарищам, что им надо и чего не надо делать, чтобы сохранить с таким трудом завоеванное.

А прежде всего надо сохранить порядок, выдержку, дисциплину, не ту старую палочную дисциплину, а разумную, внутреннюю. На двух основаниях можно построить дисциплину. Первое — страх наказания; эта дисциплина бессознательная, животная. Животная потому, что с успехом применяется к животным. Разве не страхом побоев заставляют собаку ходить на задних лапах или лошадь тащить тяжелую кладь?

Второе основание — это взаимное доверие, уважение и любовь между старшим и подчиненными, это дисциплина, сознательная, человеческая.

Старая власть, пользуясь лишь первым основанием, сводила нас тем самым на степень животных. Новая Россия желает видеть во всяком гражданине, прежде всего человека и призывает нас ко второй разумной дисциплине. Поэтому, если приказы Столыпина и Сухомлинова исполнялись из страха, то Черному и Керенскому мы должны повиноваться из доверия и любви к ним. Какой же позор будет для нас, если мы

безобразным поведением своим докажем, что не понимаем это, что на нас действует только палка, что мы опять желаем уподобиться скотине?!

Стадо, потерявшее хозяина, не может само стать себе хозяином, не может управлять собой; оно или делается добычей волков, или им завладевает первый прохожий, воспользовавшись его неразумием. Но мы не стадо, а люди, разумное человеческое общество; мы сумеем, должны суметь управлять собой, защитить себя, свою свободу (а это одно и то же) как от волков пруссаков, так и от всяких бессовестных узурпаторов.

Ведь уже многие враги революции со злорадством выглядывают из своих нор и шепчутся друг с другом: «Вот дали им свободу, а они, смотри-ка, что с ней проделывают. То-то же не рассыпайте бисер перед свиньями. Получили бисер-свободу и топчут его ногами». Вот как думают наши враги. Не дадим же им радоваться! Докажем, что они ошибаются! Не будем бросать в грязь драгоценного камня свободы, сохраним, сбережем его! Мало того, сделаем для него прочную опору, которую не разбили ни немецкие пушки и не разложила бы соляная кислота внутреннего расстройства.

Свобода наша совсем еще молодая, и, как всякое молодое растение, она нежна и хрупка и требует заботливого к себе отношения. Если мы затаскаем ее, она зачахнет и погибнет; а при одной мысли об этом горько и тяжело становится на душе.

Не будет этого! Бережно и заботливо будем растить мы наше дорогое деревце, и вырастет оно тогда в могучий, крепкий ветвистый дуб и укроет нас всех под своей благодатной кроною.

Славное, счастливое настанет тогда время, утихнут вражда и злоба, возродится поруганная правда и забытая любовь.

И не будет на свете ни слез, ни вражды
Ни бескrestных могил, ни рабов,
Ни нужды, беспросветной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорных столбов».

[Знамя труда, 1917].

Таково содержание статьи. Во время многочисленных бесед с Абаявым на тему революции, он неоднократно подчеркивал, что был приверженцем идеи буржуазно-демократических свобод, провозглашенных Февральской буржуазно-демократической революцией и неоднократно подчеркивал следующую мысль: «Если бы Россия остановилась на завоеваниях Февральской буржуазно-демократической революции, для России это было бы гораздо большим благом, лучшим вариантом для ее будущего развития». В этом своем мнении поборник буржуазно-демократических свобод укрепился после перерастания буржуазно-демократической рево-

люции в социалистическую, когда он стал очевидцем красного террора, гражданской войны, массовой эмиграции русской интеллигенции, и не менее страшных 30-х годов, когда и он сам чудом спасся от преследований и репрессий.

На торжествах в честь своего 80-летнего юбилея, в заключительном слове, Васо рассказал о двух эпизодах из своей жизни, которые, как отметил, не вошли в его академическую биографию. И начал он с первого эпизода, довольно любопытного. «После победы Советской власти было очень модно писать и изображать так, будто до Советской власти люди были в ужасной темноте, чуть ли не в состоянии дикости и вот, мол, Советская власть все преобразила в лучшую сторону. В эту эпоху я был студентом Ленинградского университета. И вот однажды в комсомольской газете города была опубликована ужасная статья о кавказской действительности. Можно было догадаться, что речь идет о Дагестане, где страшная кровная месть, все точат свои кинжалы, режут друг друга родственники, брат брата, отец сына и всякие подобные ужасы. Я не стерпел подобное и написал критику в адрес автора — «Письмо в редакцию», где подверг соответствующей критике автора, его невежество и абсолютное незнание кавказской действительности, доказывал, что на Кавказе живут народы древней цивилизации, что здесь давно изжиты многие предрассудки, что кровная месть, хотя и существует, но только не между родственниками, а представителями разных фамилий. В заключении я писал, что если на Кавказе и сейчас режут представителей других фамилий, то первым кого следует зарезать это автора рецензируемой статьи, и указывал, что публикуя подобные так называемые «литературные произведения» молодежная газета чести себе не составляет». Моя попытка публикации «Письма в редакцию» не могла увенчаться успехом; редакция воздержалась ее опубликовать с таким страшным приговором для автора статьи».

С самого начала своего духовного формирования он критически воспринимал негативное в людях и выше всего в них ценил нравственное, человеческое начало. И на склоне лет, возвращаясь к этому вопросу, писал: «Нет более высокого признания, чем быть порядочным человеком! Поднять духовное, нравственное в человеке — вот задача. Каждый из нас носит в себе Божью искру. Это и есть суть, ценность, а не окружающая атрибутика. Вот что важно помнить и понимать. Уверен, во всей вселенной нет более высокого звания, чем звание Человек!» [АБАЕВ, 1997].

Но вернемся к ранним политическим статьям Василия Ивановича. Отношение Абаева, приверженца идеи Февральской революции 1917 г., к советской власти было, мягко говоря, прохладным. Он ее не критиковал, по достоинству всегда подчеркивал, как многое дала она для духовного

развития нашего народа. Однако оды Советской власти он тоже не пел. Не пел он оды и о веке, в котором прожил, называл его самым кровавым, породившим две мировые войны, терроризм и репрессии. Поэтому полностью ушел в науку, через нее верой и правдой служил своим большой и малой родине, и старался не реагировать на происходящие бурные политические события.

Из осетинской интеллигенции начала XX столетия идеи Февральской революции приветствовал и революционный демократ Георгий Николаевич Цаголов. В своих воспоминаниях Г.Н. Цаголов писал, что тогда он считал общество неподготовленным, чтобы в России «мог развернуться в надлежащем виде социалистический строй». Ему казалось, что «взобраться на поезд социализма не так трудно, трудно было, управлять этим поездом, вести его вперед по сильно расшатанным историей рельсам». И далее: «При наличии того человеческого материала, который, думал я в те дни, имеется в стране сейчас и долго еще будет здесь иметься, у нас быстро произойдет выделение сравнительно обширной группы «организаторов» и вообще «руководителей» в области производства на всех его ступенях и фазах. Такое же выделение получится и в области управления общественной... Такая дифференциация населения, с течением времени... может закрепиться и обрести всем тем, что сделает принадлежность к той или иной группе в общем наследственной. В результате страна может очутиться у того самого старенького «корыта», которое оно пыталась заменить, новым, хорошим». Цаголов опасался, что все это вместе взятое дискредитирует в глазах масс социализм, и они повернутся к нему спиной. Тогда «поезд социализма может сойти со своих рельс и повернуться к неизбежному крушению» [Цаголов. Воспоминания. НА СОИГСИ.]. Обратите внимание. В отличие от Абаева, сторонника Февральской революции, Цаголов был социалистом, приветствовал идеи социализма, но считал, что Россия еще не готова к нему. Из-за этого своего объективного мнения Цаголова подвергли огульной критике, будто бы он не понял новую историческую обстановку, приписывали ему заблуждения народническо-анархического характера, наслоение мелкобуржуазных идей на его творчество. Его перестали публиковать и он умер в нищете в 1939 г.

Между тем, подобную же участь испытал на себе в послевоенный период выдающийся поэт, драматург и переводчик Грис Плиев, которого тогдашнее руководство Северной Осетии десятилетиями откровенно гнобило, морило голодом его семью, не предоставляя ему элементарную служебную должность. К сожалению, оба этих случая так и остались черными пятнами в истории нашего народа.

Бывало немало случаев, когда во время бесед с Васо речь заходила о Сталине и его времени. Абаев или пропускал мимо ушей или реагировал

обтекаемыми словами. Чувствовалось, что в душе не очень любил Сталина, особенно деятельность в годы репрессии. Ведь и над ним в это время постоянно висел дамоклов меч, но как пишет М.И. Исаев, Васо чудом миновал ареста и преследования. А было это так. После известного труда И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в которой было разгромлено учение о языке академика Н.Я. Марра, по стране началось открытое гонение на Н.Я. Марра, и известные языковеды, в том числе вчера еще разделявшие идеи Н.Я. Марра, повернулись к нему спиной. Обычная история. Коллеги Н.Я. Марра наперебой стали осуждать его, превознося при этом труд Сталина. Единственный, кто в это время сохранил олимпийское спокойствие и не принимал участия в критике Н.Я. Марра, был его ученик В.И. Абаев. Его поведение казалось настолько вызывающим, что в газете «Правда» от 15 декабря 1951, появилась статья, подписанная Б. Сухотиным, Б. Серебряковым и А. Джикаевым, под заголовком «За творческую разработку проблем языкознания», которая была направлена против «неразоружившегося марриста» В.И. Абаева. Когда М.И. Исаев принес Абаеву статью, тот, по его словам, ознакомившись с ней, воскликнул: «Какая несправедливость. Ну что ж, а работать надо», — и попрощавшись, продолжил свое занятие наукой. Вспоминая этот эпизод из жизни ученого Н.Г. Джусойты позже писал: «Не знаю, что помогло Васо с таким достоинством вынести эту «критику» кроме его рыцарского мужества и сознания бесспорной правоты. Не исключено, что он помнил и о стародавней народной мудрости в изложении Толстого: «Если ты направился к цели и станешь дорогою останавливаться, чтобы швырять камнями во всякую лающую на тебя собаку, то никогда не дойдешь до цели» [АБАЕВ, 2010:107].

Не дождавшись от Абаева саморазоблачающего ответа на критику, дирекция Института языкознания не придумала ничего другого, как пригласить его на свое собрание для того, чтобы Василий Иванович отчитался за проведенную работу в период после начала дискуссии по вопросам языкознания. Все с нетерпением ждали, как поведет себя Абаев. Он вышел на кафедру и в рамках отведенного времени рассказал о проделанной им научной работе, и при этом ни словом не обмолвился ни о Н.Я. Марре, ни новом учении о языке.

— Это все что Вы хотели сказать? — спросил несколько удивленным голосом директор института, академик В.В. Виноградов.

— В рамках регламента все. Если будут вопросы, постараюсь ответить, — с достоинством ответил Абаев.

— Тогда у меня вопрос: как вы относитесь к идеям, высказанным Иосифом Виссарионовичем по вопросам языкознания?

— Виктор Владимирович, я внимательно изучаю труды товарища Сталина по языкознанию и уверен, что они помогут нам освободиться от многих ненаучных догм «нового учения» академика Марра.

Затем на собрании выступили коллеги Абаева, которые критиковали его взгляды. И когда каждому из них он ответил по существу, коротко, обойдя стороной отношение к новому учению (чего, собственно, от него и хотели услышать), В.В. Виноградов обратился к Абаеву, с неким состраданием в голосе:

— Неужели, Василий Иванович, вы не понимаете, что я Вас хочу спасти. Вы должны были покаяться в своих марристских заблуждениях.

— Спасибо Виктор Владимирович, за сочувствие, но, право, от совести моей меня никто не может спасти кроме меня самого. А теперь если нет больше ко мне вопросов, всего вам хорошего! И размеренным шагом покинул зал заседания».

Как вспоминает далее Магомет Измайлович, в ожидании прошло два дня. «На третий, перед вечерним отъездом в Ленинград, я заглянул в Институт и сразу же меня повели к директору В.В. Виноградову:

— Где этот Ваш джигит? Я из-за него все нервы свои испортил!

— В гостинице! Вечером уезжаем в Ленинград.

— Никуда вы не уедете. Есть указание инстанции перевести его в Москву и пусть приступает к работе в качестве моего заместителя. Так то. Тоже мне Жуков в языкознании. Вот готов и ордер на двухкомнатную квартиру на Ново-Песчаной, — завершает академик с доброй улыбкой» [Исаев, 2000:162–164].

Продолжаю цитировать Исаева: «Будучи впоследствии при В.В. Виноградове ученым секретарем, я как-то задал ему занимавший меня вопрос, на что он ответил:

— Сталин уважал смелые личности, вспомните Жукова. А впрочем, подробнее расспрошу кого-нибудь в ЦК. И через некоторое время от него узнаю следующее:

— В очередной раз пришли со списком лиц, которых надлежало «репрессировать». В начале перечня стояло имя В. И. Абаева (по алфавиту). Сталин поставил галочку после его имени, сказав:

— Хороший ученый, оставьте его в покое. Переведите его в Москву в помощь Виноградову. Указание тут же было выполнено» [Исаев, 2000:165]. Таково было практическое отношение Иосифа Сталина к Васо Абаеву. Вождь отдавал должное Абаеву и как ученому и как сильному духом, достойному мужчине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василию Ивановичу Абаеву 100 лет. Сборник материалов по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам. М., 2000.
2. Василию Ивановичу Абаеву 110 лет. Сборник материалов, посвященных творчеству В. И. Абаева. Цхинвал, 2011.
3. АБАЕВ В.И. Трудные интеллигентные вопросы // Независимая газета, 1997, 29 января.
4. ИСАЕВ М.И. Василий Иванович Абаев. Изд. 2-ое. М., 2000.
5. КАЛОЕВ Б.А. Василий Иванович Абаев и вопросы этнографии в его трудах, М., 2001.
6. ЦАГОЛОВ Г.Н. Воспоминания // НА СОИГСИ.
7. ЧИБИРОВ Л.А. Гордость нации. Встречи с В. И. Абаевым // Имена. Очерки. Владикавказ, 2010.
8. ЧИБИРОВ Л.А. Наветы и действительность // По тропам времени. Вл., 2012.